

СТИХ РУБЕЖА ВЕКОВ («ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫЙ ПЕРЕСКАЗ»)

В последнее десятилетие XX века и в начале XXI активизируется интерес к проблемам стиховедения и стихосложения. Подтверждение тому — появление интересных работ как в Казахстане [1], так и за его пределами [2].

Основным вопросом стиховедения остается по-прежнему проблема «стих и проза». Самую общую ее формулировку удачно подметил В. В. Николаенко в своем обзоре «Письма о русской филологии»: «Отличается ли стих от прозы «по природе» или «по установлению»? [3, с.372].

Заслуживает внимания взгляд на эту проблему, высказанный автором учебного пособия «Основы русского стихосложения» — О. И. Федотовым, который в главе, посвященной «литературной стихопрозе», анализирует верлибр, метрическую прозу, стихотворения в прозе. О.И.Федотов пишет следующее: «Между стихом и прозой как суверенными художественно-речевыми системами нет жесткой непроницаемой границы. Структурные элементы той и другой, взаимопроникая, образуют диффузную зону смешанных пограничных форм — так называемую литературную стихопрозу нового времени...» [4, с.297].

Московский ученый-литературовед С. И. Кормилов вводит в стиховедение понятие «марги-

нальной системы» [5]. Автор убежден в том, что каждая эпоха знает определенный набор форм, которыми пишутся «стихи вообще». Но есть еще формы, которые не входят в этот набор. Их-то и называет С. И. Кормилов маргинальными.

Н.А.Фатеева в интересном исследовании «Контрапункт интертекстуальности, или интертекст в мире текстов» выявляет случаи «интертекстуального пересказа». Что особенно важно для нас: она анализирует два стихотворных текста Б. Кенжеева и О.Мандельштама, подчеркивая стремление современного поэта «говорить языком мандельштамовской прозы». Речь идет о строке Мандельштама «Не сравнивай: живущий несравним». Б. Кенжеев создает свою новую рифму:

...не ищи сравнений — они мертвы,
говорит прозаик и воду пьет,
а стихи похожи на шум листвы,
если время года не брать в расчет...

Н. А. Фатеева приводит еще одну цитату из «Египетской марки» Мандельштама: «Какое наслаждение для повествователя от третьего лица перейти к первому! Это все равно что после мелких и неудобных стаканчиков-наперстков вдруг

махнуть рукой, сообразить и выпить из-под крана холодной сырой воды». Тем самым, проведя анализ двух поэтических текстов, Н. А. Фатеева убеждает нас в правоте строки Е. Баратынского «Не подражай: своеобразен гений...» [6, с.143]. Так же относился к проблеме интертекста-пересказа и сам Манделштам.

В литературе Казахстана существует удивительное явление, когда поэты казахи, немцы, корейцы пишут на русском языке. Это общепризнанный факт, обогащающий современный литературный процесс. Их творчеству уделяется мало внимания в исследованиях как ученых-литературоведов, так и критиков. Диссертации защищаются, в основном, по русской классической поэзии и казахской поэзии XIX века [7].

Один из таких поэтов — Бахыт Кенжеев, которому в октябре 2003 года на третьем международном фестивале «Биеннале поэтов в Москве» была вручена Большая премия «Москва-транзит» за «многолетнюю плодотворную работу и значительные открытия в масштабе русской поэзии». Книжное обозрение «Книголюб» (октябрь 2003 года) опубликовало несколько стихотворений нового лауреата высокой награды [8]. Вот каким видится поэту новое тысячелетие:

То ли женой неверною, то ли ослепшей лошадыю вороною
вкрадчиво, словно декабрьский закат над Петроградской
стороной,
надвигается высокомерная эра, где пурпур не пристаёт к
холсту,
где в булыжном гробу, тяжесть небесной сферы на
формулы раскроя,
скалит зубы девственник Ньютон с апельсином грубым
во рту -
яблоко ему не по чину, ведь он — не Ева, и тем более — не
змея.
«То ли женой неверною, то ли ослепшей лошадыю
вороною...»

Общеизвестный случай с открытием Ньютоном закона всемирного тяготения (яблоко) поэт перефразировал в контексте «интертекстуального пересказа»: «Ньютон с апельсином грубым во рту — яблоко ему не по чину».

Б. Кенжеев предрекает поминки-похороны просвещению и стремится «залить в клепсидру воды, — чтобы, дыша, текла вниз». Но «какой-то хитрющий, плешивый леший добавляет в нее сульфат кальция или магния, то есть, накипь, чтобы мутнела, и не попад все минувшее...» Далее в стихотворение врывается современная жизнь: разговор по телефону, тревога за любимую, прерванная связь, причем все это переда-

но, как поток сознания, без заглавных букв (все стихотворение состоит из 18 строк и представляет собой всего два развернутых предложения):

(как ты сейчас? успокойся, ау! погоди! не молчи! алло!)
перекипело, в осадок выпало, тормознуло, всхлипнуло —
и прошло.

Мы уже обращали внимание на случаи «интертекстуального пересказа» в лирике Б. Кенжеева. И вновь в стихотворении «Пока не почернел сухой узор...» встречаются подобные примеры. Вспомним Лермонтовское «Выхожу один я на дорогу...»:

Я б желал навеки так заснуть,
Чтоб в груди дремали жизни силы,
Чтоб, дыша, вздымалась тихо грудь.

У Б. Кенжеева:

А дальше — кто-то сдавленно рыдает,
твердя в подушку — умереть, уснуть,
сойти с ума...

И вновь пример «интертекстуального пересказа» («сон разума рождает чудовищ»). У Б. Кенжеева:

сон разума рождает
нетопырей распластанных, и чуть
не археоптериксов.

Завершает подборку стихов Б.Кенжеева стихотворение «Пока я жив, твержу, пока я жив...»:

Пока я жив, твержу, пока я жив,
мне все равно — фонарь, луна, свеча ли,
когда прозрачный, призрачный прилив
двойковыпуклой печали.

В журнале «Простор» (декабрь 2003 года) представлена подборка новых стихотворений Б. Кенжеева «... А песня обновляет мир» [9], в которой — стихи из цикла «Махамбет»; поэтические строки, навеянные участием автора во Всемирных поэтических чтениях в Куала-Лумпуре в октябре 2002 года и др.

Одно из стихотворений посвящено Бахыту Кенжееву. Его лирический герой чувствует себя частицей Амстердама, уличным художником. Кофе ему подает рембрандтовская дама, «что по ночам ведет на randevу».

Автор и герой ощущают связь с классическим литературным наследием и открыто провозглашают эту преемственность:

И ветряную мельницу в наследство
На грубом я запечатлел холсте.

Мне Питер Брейгель дал такое средство,
Что все секреты творчества — не те.

Но путь поэта лежит дальше: из Амстердама — в Антверпен («перемещаюсь по каналам всякий раз»). Главное — духовное наследство, поэтому «багаж скуден», за плечами лишь комната и палуба на яхте:

Рассыпал по пути средневековья соль,
Чеканкой птиц взлетает в небо гульден.

Поэт постоянно путешествует:

Нет без дальнего ближнего света,
Я живу на колесах судьбы...
«При своем остаюсь интересе...»

Мотив пути так же связывает настоящее с прошлым: «Идет через судьбу моя дорога к храму...» («Идет через твой дом моя дорога к храму...»).

О преемственности знаний, духовного опыта размышляет Б. Канапьянов. Изменилось время, которое принесло новые технологии: «Эта мудрость земных фолиантов / Переходит в компьютерный диск» («Вспоминаю былого кумира...»). Но хотя и «все подсчитано в свете программы, все заложено в файлы», творческая личность пребывает в поиске воздуха «таинственной драмы» и раскованности детской мечты.

Из цикла «Махамбет» на страницах «Простора» представлено всего одно стихотворение «Объединил вас Махамбетом...», которое, на наш взгляд, является программным для Б. Канапьянова. Обратим внимание на следующие строки: «Какое счастье — не прогнувшись, / Идти на Вы». Чья это позиция: поэта XX или XIX века? Думается, и того, и другого.

В поэзии В. Михайлова, подборка которой представлена в этом же номере журнала «Простор» [10], — мотивы грусти, стремление постичь тайны бытия и мироздания. В поэзии В. Михайлова ощущение «тьмы вселенской», сгустившейся над нами, в которой лишь «северным тускнеющим сияньем» Святая Русь горит.

На рубеже веков особенно остро ощущает поэтическая душа свою неприкаянность и ненужность:

Зачем мы родились на свет, —
Нас разве только Бог рассудит, —
В стране, которой больше нет
И никогда уже не будет.
«Зачем мы родились на свет...»

Душа лирического героя в стихотворении «Он ничего не говорил...» больным-больна, ей нет

покою, «как та родная сторона, / Что стала словно неродною». И ветер с небесных полей в стихотворении «Веет ветер с небесных полей», давшем название всему циклу, поет скорбя и любя: «Даже родины нет у тебя».

Поэт, порой, беспощаден к своему лирическому герою, как в стихотворении «Что скрывать? Был ветер в голове...»:

Что скрывать? Был ветер в голове,
На цветах настоян и траве.
Отгулял, родимый, отшумел,
Вышел весь и сам себя отпел.

А теперь башка пустым-пуста
Под немым созвездием Креста.
Разве что пронзит ее порой
Звездный ветр, знобящий и слепой.

Нельзя обойти молчанием поэтическое творчество художника и поэта, к сожалению, недавно ушедшего из жизни — В. Щербакова. Это к нему обращалась 16 декабря 1975 года верный друг одного из самых глубоких и почитаемых писателей XX века Валентина Дмитриевна Пришвина: «Дорогой Володя, я уже давно прочла Вашу поэму о мальчике и барсе. Должна Вам сказать по самой строгой правде — я долго жила тем подъемом и волнением, которое (как дар) приходит от соприкосновения с подлинной поэзией...» [11].

Когда тревога
и усталость
Сжимают жизнь мою
в кольцо,
И неприветливая
старость
Морозно дышит мне
в лицо,
С молитвой обращаюсь
к Богу:
- Господь, продли
мою дорогу.

Удивительный художник, кисти которого принадлежат акварели, пастели, портреты, графика, работающий в собственной манере письма, был еще и тончайшим лириком-философом. В его многогранном творчестве — храмы и монастыри, Русский Север и Кавказ, Крым и Средняя полоса России, пейзажи и портреты, иконопись. И все это озарено Светом. Их нельзя воспринимать по отдельности: картины и стихи. Они — одно целое, созданное гениальным человеком.

«В долине света...», «В пустыне света...» — так нередко начинаются его лирические миниатюры. Божий храм Гергета, «мечта загадочных веков», таится в долине света, за Терекком. В другом сти-

хотворении — «вдоль моря, / В пустыне света, / Бредут кипарисы». Прожитые годы — «лисы» в рыжие зори одеты. И как очертания счастья воспринимает В. Щербаков «очертания облаков».

Звездный простор наполняет и его живопись, и его поэзию.

Поэзия рубежа веков отличается острым восприятием стремительно меняющегося мира. В век всеобщей глобализации, технократии важно сохранить преемственность, связь с прошлым, душу народа и конкретного человека. Об этом — поэзия русских и русскоязычных поэтов суверенного Казахстана.

ЛИТЕРАТУРА

1. Литература народов Казахстана. А.: Ғылым, 2004. 305 с.; Проблемы поэтики и стиховедения: Сборник научных трудов. Алматы: АГУ им. Абая, 1996; Бадиков В. В. Русско-казахстанская литературная маргинология // Евразия. 2003. №1. С. 40-47; Абишева С. Д. Поэтическая система «мир природы»: Структура и семантика. Алматы: АГУ им. Абая, 2002 и др.
2. Федотов О. И. Основы русского стихосложения: Метрика и ритмика: Учебное пособие для студентов-филологов, учащихся педагогических училищ и средних школ гуманитарного профиля. М.: Флинта, 1997. 336 с.; Гаспаров М. Л. Избранные труды. Том III. О стихе. М., 1997; Русский стих: Метрика. Ритмика. Рифма. Строфика: В честь 60-летия М. Л. Гаспарова. М.: Рос. гос. гуманитарный ун-т, 1996. 336 с.; Славянский стих. Стиховедение. Лингвистика и поэтика. М.: Наука, 1998; Кормилов С. И. Маргинальные системы русского стихосложения. М., 1995. 158 с.; Холишевников В. Е. Основы стиховедения: Русское стихосложение: Учебное пособие для студентов филологических факультетов. Изд. 3-е, переработанное. СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 1996. 184 с.; Любимова Н. А., Пинежанина Н. П., Сомова Е. Г. Звуковая метафора в поэтическом тексте. СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 1996. 144 с.
3. Николаенко В. В. Письма о русской филологии (Письмо четвертое, или Эпистола о стихотворстве) // Новое литературное обозрение. №31 (3/1998). С.372-382.
4. Федотов О. И. Основы русского стихосложения: Метрика и ритмика. М.: Флинта, 1997. 336 с.
5. Кормилов С. И. Маргинальные системы русского стихосложения. М., 1995. 158 с.
6. Фатеева Н. А. Контрапункт интертекстуальности, или интертекст в мире текстов. М.: Агар, 2000. 280 с.
7. Зейферт Е. И. Жанр отрывка в русской поэзии первой трети XIX века. Алматы, 1999. 22 с.; Круглякова Т. Г. Стих В. Ф. Ходасевича и традиции русского стихосложения. Алматы, 1999. 24 с.; Толысбаева Ж. Ж. Жанровая природа лирического цикла (на материале поэзии 1980-1990 годов). Алматы, 1999. 25 с.; Бокушева Г. А. Стихотворный перенос (на материале поэзии Н. А. Некрасова). Алматы, 2001. 26 с.; Байменова А. Т. Особенности философской лирики Абая). Алматы, 2002. 25 с. и др.
8. Книголюб. 1-31.10.2003. №19-20. С.7.
9. Кананьянов Б. ...А песня обновляет мир // Простор. 2003. №12. С.34-40.
10. Михайлов В. Веет ветер с небесных полей // Простор. 2003. №12. С.21-27.
11. Вечер русской культуры «Свет Невечерний». Алматы, 2003.